

Глава 8. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНФРОНТАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА

В данной главе монографии на основе изучения конфликтной диалогической интеракции на французском и белорусском языках выявляются, анализируются и сопоставляются лингвистические маркеры реализации речевых тактик возмущения и оскорбления, а также таких их разновидностей, как нетерпение, возражение, неприязнь (для тактики возмущения) и насмешка (для тактики оскорбления).

Прагматический потенциал выявленных языковых средств влияния на собеседника определен с опорой на различные контекстуальные характеристики коммуникативной ситуации, в частности вербальные (внешние и внутренние) и социальные (или социально-статусные).

Актуальность исследования обусловлена распространенностью речевых конфликтов во всех сферах жизни, что требует изучения особенностей воздействия на коммуникативного партнера посредством тактик конфронтации во французской и белорусской лингвокультурах. Как правило, художественная литература передает социально-культурную картину той или иной страны, *поэтому позволяет изучать специфику общения в ней* [Якищенко].

Заметим, что в данном исследовании в словосочетании *тактика возмущения* под *возмущением* понимается эмотивное выражение возмущения говорящим, а не его спонтанное, естественное проявление этой эмоции (которая может выражаться другими тактиками конфронтации).

Понятию *возмущение* «Толковый словарь...» С. И. Ожегова дает следующее определение: сильное раздражение, негодование (например, *в крайнем возмущении*) [Ожегов, с. 89].

Обобщенное определение понятия *indignation* ‘возмущение’, взятое из французских словарей, может быть представлено следующим образом: «*Sentiment de révolte, de mépris et de rancœur suscité par tout ce qui peut provoquer la réprobation, heurter la conscience morale (comme une insulte, une action mauvaise ou honteuse, une indignité ou une injustice)*» ‘Чувство протеста, презрения и горечи, порожденное всем, что может вызвать осуждение, оскорбить моральное сознание (например, обида, плохой или постыдный поступок, недостойность или несправедливость)’ (здесь и далее перевод наш. – А. Ч.) [Lexilogos].

Следовательно, тактика *возмущения* направлена на последующее устранение несоответствия всеобщим этическим принципам морали и нравственности какого-либо неблагоприятного действия адресата: оскорбления, злого или предосудительного поступка, несправедливости или нанесения обиды.

Воздействующим эффектом тактики возмущения является осознание адресатом своего проступка и сожаление о содеянном благодаря выраженному говорящим чувству негодования, презрения и горечи.

При реализации речевой тактики возмущения основное значение приобретают следующие релевантные *компоненты* коммуникативной ситуации: говорящий (недовольная сторона), адресат (объект недовольства), предмет возмущения, социальные нормы поведения, эмоциональное состояние говорящего. Хотя проявление эмоциональности характерно для всех тактик конфронтации, выражение эмоционального состояния как компонент коммуникативной ситуации присутствует только в реализациях тактики возмущения в форме прямого указания говорящим на чувства, которые в нем вызвало действие-конфликтоген со стороны адресата (см. выше определение понятия *indignation* 'возмущение' через родовое понятие *sentiment* 'чувство').

Мотивом конфликтного общения часто становится изначально предвзятое отношение к собеседнику, причиной которого может быть плохое настроение говорящего или просто желание противоречить адресату во всем без всяких оснований. В данном случае наблюдается отсутствие конфликтогена.

– *J'ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd'hui ! Quand m'écouterait-on ?..*

– *On va te commander autre chose, souffle Diva en posant sa main sur la sienne.*

– *Mais je ne veux pas « autre chose » ! D'abord, j'ai faim et je veux manger. Cela fait une demi-heure que j'attends ! Mais ça, tu t'en moques !..*

– *Allons-nous-en, si tu préfères !* [Chapsal, p. 194]

Молодой человек приходит по приглашению своей возлюбленной Дивы в ресторан и обнаруживает, что она уже заказала рыбу. Он упрекает Диву в том, что она его не слушает, потому что он уже говорил, что сегодня не хочет рыбы на ужин (*J'ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd'hui!* 'Я же сказал, что не хотел сегодня рыбы!'). Тогда Дива полушепотом предлагает поменять заказ (*On va te commander autre chose* 'Мы сейчас тебе закажем что-нибудь другое'). Приятель Дивы продолжает конфронтационные действия, возмущаясь ее предложением (*Mais je ne veux pas « autre chose » ! 'Да не хочу я «чего-нибудь другого»!*'). Высказывание с возмущением является лишь придиркой к словам адресата, так как не соответствует истинным желаниям говорящего (ср. его противоречивые высказывания: *je ne voulais pas de poisson* 'я не хотел рыбы', *je ne veux pas autre chose* и *j'ai faim et je veux manger* 'я голоден и хочу есть').

Па сенажаці ў чарадзе кароў важна пахаджвалі буслы, выглядаючы сваю спажыву.

– *У вас там, у Расіі, такіх прыгожых птушак няма! – не адставаў Мішка.*

Гэтыя яго словы чамусьці зноў узялі хлопца [Васю] за жывое. Іншым разам ён, магчыма, і не звярнуў бы на іх увагі, а цяпер не выцерпеў.

– **Няпраўда! У нас яшчэ лепшыя ёсць!** – запярэчыў ён.

– *Расеец!* – сказаў Паздзей.

Гэта была ўжо прамая абраза [Гніламёдаў, с. 72].

Умышленнае сокрыццё правды ад собеседніка выступае сильным речевым конфликтогенам и провоцирует использование им одной из тактик конфронтации, в основном, *возмущения*.

Le professeur était assis derrière son bureau... On frappa à la porte... Lauren entra sans attendre.

– *Pourquoi m’avez-vous caché la vérité ?*

– *J’étais en train de vous l’écrire.*

– *Je suis en face de vous, alors parlez-moi !*

– *Vous songez probablement à cet hurluberlu qui passait ses journées dans votre chambre. Après avoir hésité à l’interner pour démence précoce, je me suis contenté de le neutraliser.*

– ***Foutaise !*** *cria Lauren en tapant du poing sur le bureau du professeur Fernstein. Dites-moi la vérité !*

– *Vous la voulez vraiment, la vérité ? Je vous préviens qu’elle n’est pas facile à entendre [Levy, p. 292–293].*

Лорен, узнав, что ее наставник профессор Фернштейн скрывал от нее правду о том времени, когда она находилась в коме, входит в его кабинет и требует от него объяснений (*Pourquoi m’avez-vous caché la vérité ?* ‘Почему Вы скрыли от меня правду?’). Когда профессор пытается уклончиво повторить только то, что она уже знает о незнакомце, который проводил свое время у ее постели, не называя его имени, Лорен перебивает Фернштейна. В гневе ударив по столу, она переходит на крик, возмущаясь тем, что Фернштейн не говорит ей всей правды (*Foutaise !* ‘**Вздор!**’). Используемая тактика возмущения, выраженная лексемой сниженного стиля *foutaise* ‘вздор’, некорректна по отношению к старшему по возрасту собеседнику с более высоким статусом и неуместна в ситуации, в которой адресат и так был намерен совершить действие, имплицитное тактикой возмущения (*J’étais en train de vous l’écrire* ‘Я как раз Вам ее [правду] писал’).

Саша падыйшла да Брылёва, папытала пра Кутняка... Але Брылёў паціснуў плячыма, сказаў, што яшчэ не бачыў яго.

– ***Што ты мне маніш?*** – абурывалася дзяўчына, – ***я ж цудоўна бачыла, як ён сядзеў на падзаконні, а на вешалцы вісіць яго куртка!***

– *Не хвалойся, Саша, – крануўся яе пляча Міласлаўскі. – Кутняк пабег за гарэлкай... [Адам, с. 357]*

Косвенно выраженное возмущение, идентифицируемое благодаря невербальным и паравербальным компонентам коммуникативной ситуации (мимика, жесты, положение тела, интонация, тембр), обычно передается высказываниями с интеррогативным значением.

Eric, comme beaucoup d’intellectuels, n’a envie ni de se mouiller, ni de l’être.

– *Elle est délicieuse ! On a tout de suite chaud, il suffit de nager un peu ! Viens donc ! Essaie... Tu vas voir !*

Eric a beau grommeler qu'il est très bien comme ça, Diva lui tourne autour, l'éclabousse, jusqu'à ce qu'il se redresse sur sa belle serviette colorée et lui jette avec colère :

– Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille ! Tu ne vois donc pas que je n'en peux plus, avec toi jappant sans cesse autour de moi !

Diva demeura sidérée [Chapsal, p. 187–188].

На пляже молодая девушка Дива, искупавшись, выходит на берег и подходит к сидящему на подстилке приятелю Эрику, который не хочет купаться. Она пытается уговорить его тоже пойти с ней в такую «чудесную» воду (*Elle est délicieuse ! On a tout de suite chaud !* ‘Она восхитительна! Сразу же становится тепло!’), но Эрик, немного рассердившись ее напористостью, отказывается, так как на пляже ему лучше. Его возмущение вызывают действия Дивы (*Diva lui tourne autour, l'éclabousse* ‘Дива крутится возле него, обрызгивает водой’): Эрик гневно требует не мешать ему загорать (*Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille !* ‘**Ты не можешь оставить меня в покое ни на секунду!**’). Возмущение с элементами неполного дистанцирования на поверхностном уровне имеет форму экскламативного псевдо-вопроса, но, по сути, выполняет функцию побуждения. Несмотря на косвенно выраженное возмущение, реакция адресата (*Diva demeura sidérée* ‘Дива изумилась’) свидетельствует об эффективности тактики.

В белорусском корпусе подобных косвенных выражений *возмущения* нами не было отмечено.

Косвенность выражения *возмущения* иногда состоит в не прямой номинации адресата – объекта возмущения.

– Te voilà ! dit Pierson. On te croyait mort. Alexandre s'en faisait, de la bile ! Alexandre regarda Maillat.

– Mais qu'est-ce que tu as ?.. Qu'est-ce qui t'arrive ?

– Rien, dit Maillat.

Il se mit à crier tout d'un coup :

– Rien ! Tu entends ! Rien !

Alexandre s'assit, puis... redressa le torse.

– Et voilà ! dit-il. Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle. Et quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule ! [Merle, p. 207, 209–210]

Когда партизан Майя возвращается с задания с большим опозданием, его соратники Пьерсон и Александр, волнуясь из-за состояния товарища, спрашивают, в чем причина его опоздания (*Mais qu'est-ce que tu as ?.. Qu'est-ce qui t'arrive ?* ‘Да что с тобой?.. Что с тобой случилось?’). Майя, не желая рассказывать, отвечает, что ничего особенного не произошло (*Rien* ‘Ничего’), затем внезапно начинает кричать, что ничего с ним не случилось (*Rien ! Tu entends ! Rien !* ‘Ничего! Слышишь?! Ничего!’). Понимая свое превосходство в данной ситуации, Александр возмущается неоправданным гневом Майя (*Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle* ‘**Месье опаздывает на час. Месье пропускает свою очередь**

по мытью посуды'). Его возмущение достигает кульминации в конце высказывания (*quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule ! 'когда месье возвращается, месье меня отчитывает!'*). Одним из важных средств демонстрации возмущения и дополнительного дистанцирования выступает не прямое обращение к адресату как к третьему лицу (*Monsieur 'месье'*), которое повторяется четыре раза и тем самым усиливает тактику возмущения, повышая ее эффективность.

Прадаўшчыца ўжо са злосцю выхапіла няшчасныя пяць рублёў, спапяляючы яго [Давыдчыка] позіткам, таму што быў канец месяца, гарэў план, а да плана не хапала якраз столькі, колькі каштуе сіні замежны плашч.

– *А вы не дужа ласкавыя, – не стрымаўся Давыдчык, ідучы да дзвярэй.*

– ***Набярэшыся на кожнага ласкі!*** – *агрызнулася прадаўшчыца з шэрымі вачыма. – Тут за дзень сотні такіх пераварочваецца [Гаўрыловіч, с. 26].*

Возмущение может выражаться в форме указания говорящим на негативное эмоциональное состояние, которое вызывает у него поведение/речь адресата или третьего лица.

– *Maman, vous pouvez m'accorder une minute ?*

– *Tu vois bien que je suis occupée, mon petit.*

Politesse rendue. A toi de jouer. J'avance en roulant un peu des épaules.

– *Je regrette, mais nous avons un petit compte à régler.*

...Folcoche fait face. Comme il s'agit de choses graves, elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle.

– ***Tu commences à m'agacer, mon garçon! Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici*** [Bazin, p. 149].

Мальчик Жан подходит к матери и, впервые называя ее *maman* 'мама', просит поговорить с ним (*vous pouvez m'accorder une minute ?* 'Вы можете уделить мне минутку?'). Понимая, что вежливость сына неискренна и скрывает его реальные намерения, Психимора, тем не менее, отвечает вежливостью на вежливость (*mon petit* 'мой малыш'). Жан подходит к ней вплотную и, притворно извиняясь (*Je regrette* 'Сожалею'), заявляет, что они должны выяснить отношения (*nous avons un petit compte à régler* 'нам надо свести счета'). Разъяренная авторитарная мать возмущается дерзостью сына-бунтаря (*elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle* 'она не кричит от ярости, а шипит'), тем, что он выводит ее из себя (*Tu commences à m'agacer* 'Ты начинаешь меня раздражать'). Мать пытается поставить сына на место (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici* 'В этом доме приказы отдаю только я'). Сочетание двух потенциально эффективных тактик возмущения – эмоциональной (*Tu commences à m'agacer*) и статусно-регулирующей (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici*) – не достигает ожидаемого эффекта ввиду нежелания сына подчиняться матери.

– *А чаго ты такі вясёлы?*

– *Сказалі, што будуць такіх, як Пух, лавіць і адстрэльваць, як шалёных сабак. Адплача ён крываваымі слязамі за тое, што атруціў мяне.*

– *Ай, Гардзеі, не радуйся чужой бядзе, дык і свая, можа, не кране.*

– Ты мяне не ведаеш, я яму гэтага ніколі не дарую! Ён жа мяне калекам зрабіў! Хто я такі цяпер, па-твойму? Вар’ят! Дурань! Шызафрэнік! [Дудзюк, с. 265]

В конфликтных ситуациях общения лексика сниженного стиля может выражать отдельную тактику, передавая возмущение самостоятельно, или сопровождать другую тактику возмущения, повышая ее интенсивность.

...le conseil de discipline autour de Pierre se tint dans la bibliothèque...

Dès la première question, il buta sur les mots « extorsion » et « racket »...

...On allait donner à Pierre les moyens de ne plus être embêté par ses camarades.

– *...A présent, ouste, rentre chez toi.*

– *Pourquoi mon père n’est pas là ? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents ? C’est quoi cet interrogatoire de merde ?*

– *Reste poli s’il te plaît et rentre chez toi !* [Queffélec, p. 171–173, 176]

В школе на дисциплинарном совете учителя во главе с директором расспрашивают Пьера, кто и при каких обстоятельствах донимает его вымогательством, от него требуют подробного описания событий и имен главарей. В конце собрания накопленное негодование Пьера выплескивается: он не без оснований возмущается отсутствием на совете его родителей (*Pourquoi mon père n’est pas là ? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents ? ‘Почему здесь нет моего отца? Разве есть такое право допрашивать ученика втайне от его родителей?’*), называя дисциплинарный совет «паршивым допросом» (*C’est quoi cet interrogatoire de merde ? ‘Что это за паршивый допрос?’*). Возмущение Пьера выражается в основном сниженной лексикой *cuisiner* ‘разг. допрашивать’ и *de merde* ‘паршивый, дерьмовый’, не свойственной официальной ситуации (дисциплинарный совет) и не соответствующей восходящему статусному вектору общения (ученик обращается к директору школы). Такое языковое оформление тактики вызывает правомерное замечание директора: *Reste poli s’il te plaît* ‘Будь вежлив, пожалуйста’. Тактика возмущения неэффективна, так как дисциплинарный совет во главе с директором не реагирует на нее.

– *Ах, боўдзіла! – сханіла палена і кінулася наўздагон маці.*

– *Стой! – закрычаў на яе дзядзька, выхавіў палена з рук, шпурнуў на дрывацень. – Ты што, здурэла?! Ды ведаеш, галава садовая, хто ў вас расце?!*

– *Хто?.. – разгублена апусціла рукі маці.*

– *Вундэркінд! Во хто!*

– *А я думала: хай як-кольвек васьмігодку даб’е ды прыстроіць на ветырынара. Ты думаеш, лепей у гэтыя... пісацелі?*

– *От жа дурная баба! – аж зазлаваў дзядзька. – У хлопца талент, можна сказаць, божы дар, а яна – ветыры-ына-ар...* [Блакит, с. 168–169]

Таким образом, использование речевой тактики возмущения как во французской, так и в белорусской лингвокультурах обычно обусловлено изменением отношения говорящего к своему коммуникативному партнеру,

который вызывает в нем негативные эмоции. Национальная специфика белорусов проявляется в более систематическом выражении этих эмоций открыто, напрямую, в то время как франкофоны чаще передают их с помощью косвенных, завуалированных форм, например, вопросительных предложений. Используемая в речи белорусских коммуникантов лексика сниженного стиля, характерная для речевой тактики возмущения, также более распространена и разнообразна, чем у французов, которые предпочитают уничижительную лексику, близкую к нейтральной, стилистически немаркированной.

В исследованном нами корпусе встречаются следующие подтипы речевой тактики возмущения:

- 1) нетерпение (возмущение *нерасторопностью* адресата);
- 2) возражение, протест (возмущение с выражением *несогласия* с мнением адресата);
- 3) враждебность, неприязнь (*неправомерное* возмущение, основанное на предвзятом отношении к адресату).

Кроме того, в конфликтном речевом взаимодействии могут реализовываться следующие виды возмущения: возмущение-одергивание, возмущение-настойчивое повторение, возмущение-дистанцирование, возмущение-перефразирование.

В большинстве современных лингвистических исследований речевые конфликты анализируются с позиции говорящего. Однако следует учитывать и фактор адресата, то есть «исследовать речевое взаимодействие коммуникантов» [Сухих, с. 82].

Анализ научной литературы показал, что комплексных сопоставительных исследований вербализации тактики оскорбления в предконфликтных коммуникативных ситуациях на материале французского и белорусского языков до сих пор не проводилось.

В данном исследовании прагмалингвистический анализ реализаций тактики оскорбления на французском и белорусском языках построен на изучении конфликтных коммуникативных ситуаций в предконфликте.

Использование речевых стратегий конфронтации в рамках изначально неконфликтной коммуникативной ситуации может перевести эту ситуацию в конфликтную. Такую потенциально конфликтную ситуацию общения мы будем называть предконфликтной. Ее характерной особенностью является то, что при вступлении в коммуникацию речевое взаимодействие развивается по неконфликтному типу, и лишь какое-либо высказывание одного из участников диалога вынуждает другого прибегнуть к смене стратегии кооперации на стратегию конфронтации.

Понятию оскорбление толковый словарь дает следующее определение: «оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова (например, осыпать оскорблениями, тяжкое оскорбление)» [Ожегов, с. 453]. В рамках данного исследования будут рассматриваться только случаи употребления тактики вербального оскорбления.

Прагматически тактика оскорбления направлена на то, чтобы выразить противоречия во взаимоотношениях собеседников, показать адресату презрение и неуважение, произнести в его адрес слова, задевающие его самолюбие. Ее воздействующий эффект – вызвать у адресата чувство обиды за посягательство на его честь и достоинство, а также соответствующую реакцию на это.

Тактика оскорбления обладает наивысшим конфликтным потенциалом, ее употребление часто приводит к усугублению существующей конфликтной коммуникативной ситуации либо к перерастанию предконфликтной ситуации в настоящий конфликт.

Стратегия конфронтации может реализовываться с помощью языковых средств, выражающих негативные эмоции по отношению к собеседнику, таких как инвективы, оскорбления [Ячкова].

Угрозы и оскорбления – это «самый откровенный из всех типов вербальной агрессии». При этом могут использоваться «инвективы, нецензурные слова, слова с отрицательным переносным и эмоционально-окрашенным значением». Вербальный агрессор зачастую в своих высказываниях обесценивает опыт, достижения, чувства и переживания партнера [Чернобровкина, с. 105].

Речевая агрессия предполагает использование речевых средств, наносящих боль, оскорбления. Это могут быть отрицательные отзывы и критические замечания, выражение отрицательных эмоций – недовольство другими в форме брани, затаенной обиды, недоверия, ярости, ненависти; высказывание мыслей и желаний агрессивного характера, оскорбления, упреки обвинения; угрозы [Простакишина, с. 109].

Вербальная агрессия может выражаться в форме шуток или насмешек. «В основном это унижительные комментарии, направленные против личности речевого партнера и его интеллектуальных способностей или компетенции» [Чернобровкина, с. 105].

Обратимся к реализациям тактики оскорбления во французском и белорусском языках (извлеченным из современной художественной литературы реалистического жанра).

Проявление умственных или физических недостатков одного коммуниканта в ситуации общения (речевой и неречевой конфликтогенны соответственно) может стать объектом оскорбления-насмешки со стороны его собеседника.

La voiture s'arrêta devant une grille au dessin majestueux.

– Donne, dit Rémy.

Il voulut ouvrir lui-même. Les gonds étaient rouillés. Il poussa vainement de toutes ses forces. Son oncle descendit.

– Laisse ça, mauviète.

La grille céda devant lui et il reprit le volant, sans se presser [Boileau-Narcejac, p. 49–50].

Дядя с племянником Реми подъезжают на машине к воротам дома. Реми выходит из машины и изо всех сил пытается открыть заржавевшую решетку, но она не поддается. Ему на помощь приходит дядя и, чувствуя свое превосходство в силе и искренне веря, что ему удастся открыть решетку, просит племянника посторониться (*Laisse ça* ‘Оставь это мне’), называя его *mauviette* ‘слабаком’. Прямое оскорбление-обращение с номинацией реальных физических характеристик адресата (в данном случае – силы) вдвойне успешно, так как подтверждается последующим действием говорящего: дядя справляется с воротами и, вновь демонстрируя свое превосходство, с видом победителя медленно садится в машину.

Аднойчы на перапынку Вера сказала:

– *Давайце пойдзем да старшыні калгаса. Пра свінарнік спытаем... Колькі ён будзе стаяць на беразе Гайны? Абяцалі знесці – і не зносяць... А жыжжа цякла ў раку і цячэ...*

– *Табе больш за ўсіх трэба – ты і напамінай, – Ядзя... кліва прыжмурыла свае чорныя вочкі... Ой-ёй-ёй, задавака! Лети бы сваё рабацінне адмыла... царэўна-лебедзь...*

– *Прыдуркі! – не вытрымала Вера і выбегла за дзверы [Зарэмба, с. 256–257].*

Оскорбление часто используется вместо или совместно с императивом при обращении к лицу с более низким статусом для подчеркивания статусных различий между коммуникантами.

– *On va le foutre dans le placard, chef, propose le second policier...*

– *Tu as raison, bonne idée ! On verra pas sa sale gueule, acquiesce le grand brun aux dents de loup. Allez, ouste, charogne, dans le trou noir...*

Raphanaud est poussé dans la petite penderie. Les deux gestapistes lui attachent les poignets avec des menottes à la tringle des portemanteaux [Fleury, p. 98–99].

Два гестаповца захватывают борца Сопротивления Рафано на явочной квартире, и один из них предлагает старшему по званию временно запереть Рафано (*On va le foutre dans le placard, chef* ‘Запрет его в стенном шкафу, шеф’). Командир соглашается, добавляя, что это надо сделать (*On verra pas sa sale gueule* ‘Чтобы не видеть его мерзкую рожу’). Обращаясь к задержанному, гестаповец подгоняет Рафано (*Allez, ouste* ‘Вперед’), называя его *charogne* ‘падаль’, и запирает в шкафу. В речи офицера гестапо присутствуют два оскорбления: метонимическое *sale gueule* ‘мерзкая рожа’ и прямое оскорбление-обращение *charogne* ‘падаль’. Оба оскорбления уместны в коммуникативной ситуации с нисходящим статусным вектором, передают пренебрежение говорящего к адресату и его превосходство над ним, а также выполняют функцию побуждения.

– *Хто табе [шарфюрэру] дазволіў браць рускіх у «аўзэнкомандо»?*

– *Ніхто, гэр штандартфюрэр!*

– Здаць зброю дзяжурнаму і пад арышт! Заўтра я да цябе, падраная ты галёша, дабяруся, пачакай!.. Будзеш ты вошай цяпер карміць у аконах, падла смярдзючая! [Карпюк, с. 54]

В неконфликтном общении двух родственников или просто хороших знакомых с оскорбления-обращения снимается всякая конфликтная направленность.

– *On s'arrête là. Assieds-toi.*

– *D'accord ! Un peu de gnôle, d'abord !*

– *Ma gnôle, c'est du gin.*

Anthime ricane et se met à tousser...

– *Tu me fais rigoler avec ton gin, dit-il.*

– *Mais non, crétin ! Je préfère le gin au marc ; voilà tout.*

Anthime regarde Philippe avec sympathie... En s'adressant à lui de cette manière, Philippe flatte son orgueil de sexagénaire... On lui parle comme à un jeune homme... [Moustiers, p. 116–117]

Антим и его молодой инструктор Филипп останавливаются в горах на привал по предложению Филиппа (*On s'arrête là. Assieds-toi* ‘Остановимся здесь. Садись’). Антим просит немного спиртного, прежде чем продолжить путь (*Un peu de gnôle, d'abord !* ‘Но сначала немного выпьем!’). Когда Антим слышит, что инструктор взял с собой только джин, ему становится смешно (*Tu me fais rigoler avec ton gin* ‘Ты меня смешишь своим джином’). Филипп объясняет, что больше любит водку (*Je préfère le gin au marc* ‘Я просто предпочитаю джин водке’), и называет Антима *crétin* ‘дурачок’. Антим не обижается, так как ему нравится доверительное отношение молодого человека к нему – старику (*Philippe flatte son orgueil de sexagénaire* ‘Филипп льстит самолюбию шестидесятилетнего старика’). Тактика оскорбления (*crétin* ‘дурачок’) используется здесь в общении хорошо знакомых людей с целью эмоционального сближения с партнером по коммуникации и не реализует стратегию конфронтации.

– *Ды разумей ты, дурыла, – ушчуваў Корбута сябар, – што сваім цюхцяйствам ты нічога не дакажаш! Дзяўчаты любяць рашучых, настойлівых людзей, як Віктар...*

– *Не ўспамінай пры мне яго імя! – выбухаў Корбут.*

– *Добра, не буду, – згаджаўся Віконт... [Адам, с. 145]*

В предконфликтных коммуникативных ситуациях оскорбление может выражаться в неявной форме с помощью стилистического приема антифразы (иронии) и/или непрямого обращения к объекту оскорбления.

– *Bonjour, monsieur.*

– *Et ton copain, il ne vient pas ?*

– *Si, il va descendre.*

– *Il a pas l'air de courir après la besogne, celui-là !*

Enrique descendait l'escalier. Se tournant de son côté, le patron lança :

– *Tiens, voilà le courageux. Il arrive quand c'est fini... [Clavel, p. 49–51]*

Ранним утром, когда все уже были готовы ехать на виноградники, главный винодел подзывает к себе Пабло (*Venez par là !* ‘Идите сюда!’), одного из двух молодых наемных работников, и интересуется, почему не приходит его товарищ Энрике (*Et ton copain, il ne vient pas ?* ‘А твой приятель не идет?’). Видя, что Энрике неспешно спускается по лестнице, хозяин, фактически обращаясь к нему с укором, формально реализует направленное на третье лицо ироническое оскорбление (*Tiens, voilà le courageux* ‘А вот и наш смельчак’). Такая ненаправленная адресация (благодаря указательной частице *voilà* ‘а вот и’) косвенного оскорбления-насмешки (ввиду использования приема антифразы) предназначена для смягчения негативного воздействующего эффекта и обычно используется во избежание перерастания предконфликтной коммуникативной ситуации в собственно конфликтную.

– Ты надрукаваў на ксераксе тысячу экзэмпляраў нікчэмнага вершыка і наслаў ва ўсе выданні, ад «Правды» да апошняй раёнкі. Дзе ж этыка?

– Якая этыка?.. Толькі пікні, дык цябе першага, як стану самым галоўным у вашым Саюзе, адтуль выганю!

Юзя казаў так, і было незразумела: жартуе ці не?

– А што, – уздыхнуў паэт, – у наш час усё можа быць. ...Толькі, скажу табе, напаўкалега, зараз многія табе падобныя, ды і іншыя, спяць і бачаць, як зганьбіць наш Саюз... Так і ты, дай табе толькі ўладу.

– Смейся, смейся, – не крыўдзіўся Юзя. – ...Гэта ты ад бяссілля... [Саламаха 2014, с. 422–423]

Употребление в пределах одного высказывания нескольких однородных тактик конфронтации обычно усиливает их эффективность.

Cueilli par la lumière crue des lampadaires qui inondent la pièce, Raphanaud cligne douloureusement des yeux.

– *Bon sang! Raphanaud ! lâche nerveusement Vidal en reconnaissant la silhouette trapue de l’homme au pull-over.*

Le traître... bondit sur ses courtes jambes pour tenter d’échapper aux regards du prisonnier. Le Troyen voit le manège désespéré et fixe durement le petit homme.

– *C’est bien toi, mon salaud ! On ne peut pas oublier une pareille ordure de pourri...*

Une vigoureuse bourrade dans les côtes stoppe net les menaces du résistant [Fleury, p. 102].

Гестаповцы входят в комнату, в которой они заперли заключенного Рафано, и зажигают фонари. Когда проходит ослепление после яркого света, заключенный узнает в одном из вошедших своего бывшего товарища Видаля, который предал Сопротивление и долгое время находился в розыске. Видаля, в свою очередь, узнает Рафано (*Bon sang ! Raphanaud !* ‘Проклятье! Рафано!’) и тщетно пытается не столкнуться с ним взглядом. Рафано, глядя на предателя, не может удержаться, чтобы не оскорбить его: назвать в прямой номинации *mon salaud* ‘подлец’ и метафорически – *ordure de pourri* ‘продажная шкура’. Ввиду явно низшего статуса заключенного, его множественные оскорбления бесполезны и прерываются ударом.

– Ты ж абяцаў... Няўжо табе нікога не шкада? – ціха спытала Вера, ледзьве стрымліваючы сябе, каб не заплакаць.

– Верачка, дачушка! Я не хацеў, мяне ўгаварылі, я адмаўляўся...

На ганак выскачыла маці, і яе голас узвіўся ў ранішняй цішыні вісклівым крыкам.

– Што, сілком прымусілі, напайлі?! Бедненькі, няшчасненькі... Сірата казанская? Алкаш, смоўж, п'яўка!

– Заціхні! – амаль прашаптаў бацька. Ён узняў рукі як пры малітве. – Я прашу цябе, людзі чуюць... [Блакiт, с. 182]

Несправедлівасць, падлыі поступок собеседніка можа вызваць іспользование нескількіх неоднородных тактык конфронтацыі, напрыклад, прамого оскорблення ў сацятанні с адной із другіх тактык конфронтацыі.

– *Dis donc, vieux, demande l'homme, je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtés ?*

– *Je te le confie, avertit-il, mais fais bien attention de ne pas te le faire piquer par les boches !*

L'autre, sans même remercier, s'empare du rasoir et court directement le remettre à un Feldwebel qui semblait n'attendre que cela...

– *Toi, mon salaud, rumine Raphanaud, tu vas me payer ça cher !*

Le mouchard, protégé par un groupe de prisonniers goguenards, fait rapidement son balluchon et quitte la grande chambrée empuantie [Fleury, p. 45–46].

В лагере военнопленных у заключенного Рафано другой заключенный, с которым Рафано не знаком, просит бритву (*je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtés ?* ‘я знаю, что у тебя есть бритва... Одолжишь мне ее?’). Рафано колеблется, но, видя его недельную щетину, дает ему лезвие во временное пользование (*Je te le confie* ‘Я тебе его вверяю’), предупреждая, чтобы оно не попало в руки к немцам. Однако Рафано видит, что заключенный сразу относит бритву поджидавшему немцу. В приступе с трудом сдерживаемого гнева (*rumine Raphanaud* ‘говорит сквозь зубы Рафано’) он угрожает расплатой (*tu vas me payer ça cher!* ‘ты мне за это дорого заплатишь!’), называя предателя *salaud* ‘подлец’. Оскорбление сопровождается притяжательным прилагательным *mon* ‘мой’, выполняющим в подобном контексте дистанцирующую функцию. Реализованная тактика не может быть успешной ввиду отсутствия адресата (бородатого заключенного-предателя) в пределах слышимости.

Янка анямеў ад нечаканасці, разгублена заморгаў і, як толькі закончылася лятучка, адразу ж зацёг у цёмны кут:

– Ты што, ашалеў ці... – накруціў пальцам ля скроні. – Зрух на фазе?! Асёл! Табе літаратуру трэба рабіць, а не гэтыя дурацкія артыкулы. На якога ж чорта я хадзіў, уламваў шэффа?! [Блакiт, с. 197]

Как видим, тактика оскорблення, как и другие тактики конфронтацыі, сустрачаецца ісклучітельно в каммуникатывных сітуацыях, адмеченных конфронтацыяй, соперніцтвам, наячыем протыворечыі во вглядах, мне-

ниях, намерениях. Приемы реализации речевых тактик конфронтации в предконфликтных коммуникативных ситуациях отвечают требованиям сглаживания форм выражения негативных интенций с целью избежания возможного конфликта.

В реализациях тактики оскорбления основными лексическими средствами выражения выступают разнообразные слова и словосочетания уничижительного характера, инвентарь которых значительно расширяется за счет включения в него лексем, ситуативно приравниваемых к уничижительным.

Тактика оскорбления, как самая конфронтационная тактика, наименее частотна в конфликтном общении ввиду ее антисоциального характера и приводит к усугублению межличностного конфликта между коммуникантами. Тем не менее исследуемая речевая тактика конфронтации может выполнять целый ряд прагматических функций в зависимости от ее лингвистического оформления и контекстуальных параметров ситуации общения. Так, в межличностной коммуникации ситуации, в которых намерение говорящего, реализующего тактику оскорбления, не сопровождается другой интенцией, – довольно редкое явление. Чаще всего говорящий, помимо желания оскорбить собеседника, с помощью тактики оскорбления пытается оказать на него конфронтационное воздействие: побудить его к действию или отговорить от его исполнения, убедить в своей правоте или переубедить заблуждающегося собеседника, подчеркнуть свое физическое/моральное/статусное превосходство над ним.